

Глава 52: Скучаю по тебе

—

Х.

Се Чаньюэ широко раскрыл глаза:

— Видишь? Правда видишь?

Ван Сюй же был просто потрясен:

— Ты стоишь здесь и можешь разобрать иероглифы на круглом свитке на той стене? Что у тебя за глаза такие?

— Человеческие, — ответил Гу Сьюань.

Ван Сюй не стал с ним спорить:

— Раз так, мой номер шестьдесят седьмой, посмотри заодно и меня.

Гу Сьюань, даже не шевельнув головой, тут же произнес:

— Вижу.

Ван Сюй закатил глаза, рассердившись на явную, по его мнению, ложь друга:

— Ты же даже вниз не посмотрел!

— Твой номер рядом с моим, — холодно пояснил Гу Сьюань, — я заметил его еще тогда, когда искал свой.

— Ну и на каком я месте? — допытывался Ван Сюй.

В этот самый момент в кабинет вбежали двое слуг, дежуривших у списка:

— Молодой господин! Молодой господин! Вы на втором месте!..

Уголок рта Ван Сюя дрогнул; он явно хотел расплыться в улыбке, но насилу сдержался. Прикрывшись складным веером, он слегка кашлянул:

— Ну, сойдет. Средненько, весьма средненько.

Другие ученики, ожидавшие на этом этаже, покосились на него. Не нарываясь ли он на порцию тумачков с такими речами?

Ван Сюй тем временем спросил слугу:

— А что насчет господина Гу?

Слуга взглянул на него и тихо ответил:

— Господин Гу — аньшоу.

— Твою же... — Ван Сюй не сдержал крепкого словца.

Хотя, узнав о своем втором месте, он уже начал о чем-то догадываться, на душе всё равно стало как-то досадно. Он посмотрел на холодное, невозмутимое лицо Гу Сьюаня и с сомнением спросил:

— Ты и впрямь только что увидел свой результат? Увидел, что я сразу за тобой?

Гу Сьюань отхлебнул чаю, и тон его был привычно ледяным:

— С чего бы мне лгать тебе в таких вещах?

— Черт возьми! — выругался Ван Сюй во второй раз. — Ты вообще человек? Стал лучшим в уезде, а лицо такое, будто льдом поросло, ни одна жилка не дрогнула.

— Всё идет по плану, — отрезал Гу Сьюань. — Было бы странно, если бы результат оказался иным.

После этих слов Ван Сюй стало окончательно нечего возразить.

Тем временем Се Чаньюэ и родители Гу наконец очнулись от шока. Чаньюэ внезапно прыгнул на мужа, обвинив его шею:

— Муж! Ты — аньшоу! Я так и знал, ты самый лучший!

Гу Сьюань поспешно подхватил его. Прыгать так, стоя у открытого окна... если бы тот соскользнул вниз, последствия были бы печальны.

Гу Лаоэр и Му Ся дрожали всем телом. Крепко сцепив руки, они не переставали повторять:

— А-Ян, как хорошо! Как же это хорошо!

Гу Сьюань кивнул им:

— Все эти годы вы много трудились ради меня. Спасибо вам.

Родители лишь поспешно замахали руками.

Ван Сюй напомнил:

— Брат Гу, вам лучше сейчас поскорее вернуться домой. Звание аньшоу подтверждается официальным документом, и магистрат обязательно пришлет стражников, чтобы объявить благую весть в вашей деревне.

— Верно, верно! Домой, скорее домой! Спасибо вам, молодой господин! — засуетился Гу Лаоэр.

Ван Сюй лишь покачал головой.

Гу Сьюань сложил ладони в жесте почтения:

— Увидимся в академии.

— До встречи, — ответил Ван Сюй и добавил вдогонку: — Слишком уж не гоните, по обычаю стражники приходят к полудню.

— Хорошо.

Раз спешить было необязательно, Гу Сьюань сначала зашел в академию Аньпин — благо она находилась на той же улице Шуши, — чтобы поблагодарить наставника. Хотя у кандидатов были каникулы, остальные ученики занимались в обычном режиме. Гу Сьюань сразу направился к наставнику Чэню. Тот, хоть и надеялся на успех ученика, услышав новость лично, не смог скрыть радости. Он позволил себе пару слов похвалы, но тут же строго наказал не заноситься и через несколько дней возвращаться к занятиям. Гу Сьюань со всем почтением согласился.

После этого семья наконец отправилась в деревню Хуанъян. Хоть времени и было в достатке, Гу Лаоэр гнал вола заметно быстрее обычного. Они выехали из города утром, посетили академию и успели вернуться к своему дому еще до часа Сы (11:00).

— О, вернулись! — раздался язвительный голос Ли Сянтао, сидевшей у порога. — С такой помпой уезжали... Неужто не совестно будет, если не аньшоу привезли?

Се Чаньюэ поднял на неё глаза и вдруг как-то странно, с подковыркой, рассмеялся:

— Надо же! Видимо, стоит поблагодарить старшую тетю за добрые напутствия перед отъездом.

Гу Лаоэр и Му Ся тоже тихонько усмехнулись.

Ли Сянтао, глядя на их довольные лица, опешила:

— Ты... ты это к чему?

— Да вот, благодарю за ваши молитвы, — искренне отозвался Се Чаньюэ. — Мой муж действительно занял первое место на уездном экзамене.

— Ха-ха!.. — Ли Сянтао сначала замерла от шока, а потом разразилась смехом. — Кто? Он? Первое место? Врешь и не краснеешь!

Её Чжэнь-эра учителя с детства хвалили за ум, и он стал лишь третьим. А этот Гу Ян, из которого слова лишнего не вытянешь и которого ни один учитель добрым словом не поминал — и вдруг первый?

К тому же ходили слухи, что аньшоу уездного экзамена может не сдавать окружной и сразу получить звание туншэна. Если это правда, то Гу Ян теперь наравне с её Чжэнь-эром? Да быть того не может! Ха-ха, слишком толстая ложь...

Се Чаньюэ лениво взглянул на неё:

— Смейтесь, смейтесь. Всё равно приказ о назначении скоро доставят. Тетушка, вы сегодня обед приготовьте пораньше да съешьте побольше, а то как бы потом от досады аппетит не пропал.

Видя такую уверенность, Ли Сянтао невольно засомневалась. Неужели... неужели правда?..

Дом Гу стоял недалеко от въезда в деревню. В полдень, когда семья только закончила обедать, со стороны деревенской дороги донесся перестук копыт и громкие удары гонга.

Вслед за этим раздался зычный вопрос:

— Здесь ли деревня Хуанъян?

Кто-то ответил утвердительно. И голос прокричал снова:

— Великая радость для господина Гу из деревни Хуанъян! По приказу магистрата прибыл объявить благую весть! Подскажите, где дом господина Гу Яна?

Гу Сьюань с семьей вышел встречать гостей. Старик Гу, чьи ноги оказались на диво резвыми, прибежал еще раньше и уже вел двух стражников к дому. Увидев внука, старик указал на него:

— Вот он, мой внук Гу Ян!

Стражники, украшенные красными лентами, с гонгом и свитком в руках, тут же провозгласили:

— Поздравляем господина Гу с первым местом на нынешнем уездном экзамене Уцина!

Гу Сьюань сложил руки:

— Благодарю за службу.

С этими словами он вручил им два свертка в красной бумаге. Стражники нащупали монеты, расплылись в улыбках и почтительно передали документ:

— Прощу вас, господин Гу.

После этого они вскочили на коней и уехали.

Только когда стража скрылась из виду, соседи осмелились подойти ближе, осыпая семью поздравлениями и добрыми словами. Гу Сьюань вежливо поблагодарил всех и вернулся во двор. Он мельком заметил Ли Сянтао, которая выглядывала из-за угла с выражением полнейшего неверия на лице, но сделал вид, что не заметил её.

Старик Гу с заискивающими нотками в голосе предложил:

— А-Ян, ты так блестяще сдал! Давайте сегодня вечером соберемся все вместе, отпразднуем?

Гу Сьюань покачал головой:

— Это всего лишь уездный экзамен. Праздновать будем после провинциального.

Старик Гу осекся. Гу Сьюань, не задерживаясь, прошел в дом. Он сказал это не из желания уколоть деда, а совершенно искренне: сейчас начало третьего месяца, а в середине четвертого уже окружной экзамен, регистрация на который заканчивается за месяц. Значит, уже через несколько дней ему нужно отправляться в Тунчжоу.

Се Чаньюэ, очевидно, подумал о том же:

— Муж, когда поедешь в Тунчжоу?

— Завтра вернусь в академию, а оттуда поедем вместе с сокурсниками, которые тоже сдают, — ответил Гу Сьюань.

Чаньюэ кивнул, успокоившись.

На следующий день Гу Сьюань отправился в Аньпин. В этот раз из академии сдавали уездный

экзамен более десяти человек, и пятеро прошли основной тур — очень высокий показатель. Как раз пятеро — достаточно, чтобы поручиться друг за друга на окружном экзамене, не ища никого на стороне. Среди них Гу Сьюань и Ван Сюй, занявшие первое и второе места, были самыми заметными. Наверняка к следующему году (а то и раньше) наплыв желающих поступить в академию резко возрастет.

Почтенный Ци цзюйжэнь пригласил их к себе. Узнав, что Гу Сьюань, будучи аньшоу, всё равно намерен сдавать окружной экзамен, он задумался, а затем пообещал: если в Тунчжоу они оба снова займут высокие места, по возвращении он будет давать им уроки лично. Гу Сьюань поблагодарил его. Для туншэна уроки от цзюйжэня — большая честь; даже если они станут сюцаями и поступят в окружную школу, учить их всё равно будут цзюйжэни.

Через несколько дней группа учеников отправилась в Тунчжоу. Прибыли они в полдень; отдохнув немного в постоялом дворе, пошли в управу на регистрацию. Сразу после этого поспешили обратно. Когда Гу Сьюань добрался до дома, было уже совсем темно.

Се Чаньюэ сидел на стуле у порога и ждал его. Гу Сьюань подошел, подхватил его на руки и понес в дом:

— На улице еще прохладно, зачем ты здесь сидишь? Я же говорил, что могу задержаться.

Се Чаньюэ надул губы:

— Ну я же просто хотел тебя встретить...

Му Ся рядом показал жестами: «Чаньюэ до сих пор не ужинал».

Гу Сьюань легонько шлепнул его пониже спины:

— Чтобы это было в последний раз.

Се Чаньюэ от смущения уткнулся лицом в плечо мужа. «Хм, ну надо же, такой взрослый, а по попе бьет...»

Достав из печи теплую еду, Гу Сьюань и Се Чаньюэ поужинали, подкармливая друг друга. Уже в постели, лежа на теплом кане, Се Чаньюэ потянул мужа за рукав:

— Муж, а когда начнется окружной экзамен?

— Тринадцатого числа четвертого месяца, — ответил Гу Сьюань.

Се Чаньюэ принялся загибать свои тонкие, холеные пальцы, ведя подсчет:

— Тринадцатого числа четвертого месяца экзамен... значит, одиннадцатого уже надо уезжать в Тунчжоу. Окружной экзамен — это три тура: первые два по одному дню, третий — два дня. А потом еще нужно оставаться там, ждать результатов... Получается, тебя не будет дома больше десяти дней...

Чем больше он считал, тем тяжелее становилось у него на сердце. В этот раз путь лежал в префектуру, места незнакомые, и муж не решился брать его с собой.

Гу Сьюань легонько ущипнул его за щеку и негромко спросил:

— Так сильно не хочешь меня отпускать?

— Угу, — Се Чаньюэ изо всех сил закивал. — Ты сегодня просто вернулся поздно, а я уже извелся от тоски.

Его чувства всегда были прямыми, пылкими и лишенными всякой скрытности. У Гу Сьюаня екнуло сердце; он притянул супруга к себе и коснулся губами его лба:

— Мой хороший.

Се Чаньюэ поднял голову и принялся покрывать мелкими поцелуями его подбородок и кадык. В конце концов, вся горечь разлуки растворилась в долгой ласке и капельках пота.

.....

Гу Сьюань вернулся к будням академии. Окружной экзамен состоял из трех туров: первые два проверяли знание канонов и изящную словесность, а последний, двухдневный, был посвящен трактатам. Знание текстов и малых жанров у Гу Сьюаня было отточено до совершенства, поэтому весь последний месяц он в основном корпел над трактатами.

Ван Сюй делал то же самое. Прогресс обоих был настолько впечатляющим, что наставник Чэнь под конец уже не мог найти изъянов в их работах и прямо заявил, что после окружного экзамена им, пожалуй, стоит сразу пробовать силы в юаньши, на звание сюцяя. Они переглянулись — именно это они и планировали. Почтенный Ци цзюйжэнь, услышав об этом, начал давать им наставления заранее.

В это время у Се Чаньюэ появилось дело, на которое он смог переключить внимание. В конце третьего месяца пришла пора первой в этом году посадки кукурузы. После раздела имущества второй ветви досталось пять му суходольных земель и один му заливного поля под рис. Гу Лаоэр возлагал большие надежды на кукурузу, поэтому щедро выделил Чаньюэ три му для экспериментов. На оставшихся двух посеяли пшеницу, а на рисовом поле готовили рассадку к высадке в пятом месяце.

Деревья едва успели выпустить почки, как под весенним ветром нежно-зеленая дымка сменилась густой изумрудной листвой. Наступил четвертый месяц, принес с собой настоящее тепло. В деревне Хуанъян повсюду разливался сладкий аромат цветов акации. Ребятишки, словно обезьянки, висели на ветках, горстями обрывая белые гроздья и запихивая их в рот — сладкий сок стекал по подбородкам прямо за шиворот.

Десятое число четвертого месяца.

Поскольку завтра предстояло отправляться в Тунчжоу, пятерым ученикам академии Аньпин дали выходной, чтобы они могли отдохнуть и набраться сил.

Се Чаньюэ в комнате помогал Гу Сьюаню собирать вещи. Вообще-то он перекладывал их уже несколько дней подряд, но всё равно беспокоился, не забыл ли чего, и проверял снова и снова.

Во дворе Гу Лаоэр передал сыну какую-то вещь и негромко наставил:

— Смотри, руки не порань перед экзаменом.

Гу Сьюань взял маленький нож и покачал головой:

— Не пораню.

Договорив, он с загадочным видом куда-то ушел.

Вечером, когда Се Чаньюэ лежал в объятиях мужа, бездумно глядя в потолок, он вдруг почувствовал легкий холодок в волосах. Он поспешно потянулся рукой и нащупал гладкий длинный предмет. Сняв его и поднеся к глазам, он ахнул:

— Заколка...

Деревянная заколка, идеально отполированная, с простым навершием в форме полумесяца. Он тут же обернулся, сияя от радости:

— Это мне подарок?

Гу Сьюань кивнул и негромко процитировал:

— «Чем утешить в разлуке? Черепаховой заколкой за ушком...» Это не черепаха, конечно, но я сделал её сам.

— Муж... — глаза Се Чаньюэ мгновенно увлажнились, он жалобно и крепко прижался к Сьюаню. — Муж, я просто до смерти тебя люблю!

Гу Сьюань погладил его по лицу:

— Хорошо кушай дома, спи побольше и приглядывайте друг за другом с папой.

— Угу, угу! — закивал Чаньюэ.

Закончив кивать, он схватил большую ладонь мужа и прижал к себе, притираясь всем телом:

— Муж, давай... Я же знаю, ты это любишь. Нас не будет рядом целых десять дней... Обещаю, сегодня я совсем не буду плакать. Делай это столько, сколько захочешь.

— ... — Гу Сьюань промолчал.

Не стоило наговаривать на него — разве он такой человек? Впрочем... как можно отказать, когда супруг так милостив?

Гу Сьюань навис сверху, накрыв поцелуем этот рот, который порой бывал трогательным, а порой заставлял и плакать, и смеяться одновременно.

Возможно, прошлая ночь действительно была слишком бурной, потому что на следующее утро, когда Гу Сьюань уезжал, Се Чаньюэ еще спал.

На этот раз Гу Лаоэр поехал с сыном в Тунчжоу. Они дошли пешком до академии, где встретились с остальными четырьмя сокурсниками. За исключением Ван Сюя, взявшего двух слуг, остальные были с кем-то из родных или с одним книжным служкой. Группа из десятка человек наняла три повозки и торжественно двинулась в путь.

Поскольку люди были посланы заранее, чтобы забронировать постоянный двор, по прибытии в город цель была ясна. После обеда и короткого отдыха они отправились осмотреть территорию Гуньюаня — экзаменационного комплекса. Весь день двенадцатого числа они провели в покое, а ранним утром тринадцатого, захватив корзины, встали в бесконечную очередь кандидатов.

.....

Деревня Хуанъян.

Му Ся, глядя на невестку, который в самый солнцепек снова убежал к воротам, невольно улыбнулся. Всё-таки молодежь полна энергии; его собственный муж ведь тоже уехал на две недели.

Жители деревни, возвращаясь с полей с мотыгами на плечах, проходили мимо въезда и перешептывались:

— Сегодня уже двадцать седьмое, да? Четырнадцать дней прошло. Тяжело всё-таки ученым — так надолго из дома уезжать.

— И не говори... Чаньюэ-гер каждый божий день здесь ждет!

— Сразу видно, чувства у молодых крепкие!

Се Чаньюэ, поначалу смущавшийся, теперь научился пропускать эти разговоры мимо ушей. Он сидел на корточках у знакомого большого камня, не отрывая горящего взгляда от тракта.

Прошлым летом, когда муж только поступил в академию, он тоже ждал его здесь каждый день целых два месяца. Только осенью муж запретил ему это делать, боясь, что он простудится.

При воспоминании об этом на лице Чаньюэ расцвела сладкая улыбка.

В этот момент на дороге послышался перестук копыт и скрип колес. Глаза Чаньюэ вспыхнули — повозка ехала прямо к их деревне! Лошадь заржала и остановилась, а с подножки спрыгнула высокая, до боли знакомая фигура.

Гу Сьюань, глядя на своего замершего у ворот маленького супруга, широко раскрыл объятия:

— Иди сюда, дай обниму. Соскучился по тебе до смерти.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281590>